

вратить нежелательные явления, вызываемые стихийным ранним многоязычием. В более поздние периоды формирования многоязычия профилактическим средством против смешения языков, интерференции, по мнению А. Яцкевичюса, может служить обучение технике правильного перевода.

А. Яцкевичюс приводит много интересных наблюдений, касающихся психологических закономерностей освоения школьниками лексики, функциональной грамматики второго и третьего языков. Автор доказывает, что результаты обучения языкам в школе гораздо ниже оптимальных. Главная причина в том, что не всегда изучение языков строится на основе теории обучения, признающей определяющими обучение факторами благоприятную мотивацию изучаемого, повторение изучаемых явлений и положительное подкрепление отдельных повторений.

Много внимания автор уделяет динамике специфических явлений многоязычия. Здесь рассматриваются процессы перевода с одного языка на другой, их темпы и языковое качество, умение выполнять сенсомоторные команды, способность восприятия и запоминания информации на первом, втором и третьем языках, умение передавать информацию средствами разных языков, а также закономерности формирования вербальной памяти в процессе становления многоязычия. Внимание автора привлекают процессы взаимодействия первого, второго и третьего языков в психике индивида. Интерференция здесь выступает как результат этого процесса. Общие правила психологии, позволяющие избежать интерференции, — это унификация методов обучения, хорошее закрепление знаний и навыков, стандартизация ситуаций и реакций или же образование наибольших различий между ними. Осво-

иваясь на этих общих правилах, а также на собственных наблюдениях, экспериментах, А. Яцкевичюс подчеркивает необходимость унифицирования знаний предмета учителями-словесниками, важность унификации методов обучения иностранным языкам, а также значение детального научного исследования сходств и различий родного и неродного языков.

Важное принципиальное значение в связи с неразработанностью методов научного измерения знаний языка имеет глава «Проблемы диагностики многоязычия». Для научного измерения уровня знаний языков автор считает необходимым применение психолингвистических тестов. Наблюдения, анкетирование, самоанализ, методы школьного контроля, по мнению А. Яцкевичюса, недостаточно точны и экономичны. Приводятся иллюстрации практического составления и применения психолингвистических тестов (тест коммуникации, тест интравербальных ассоциаций на втором языке и др.). Тесты составлены с учетом сложений и расхождений русского и литовского языков.

Автор стремится к точности, документированности. В книге много интересного фактического материала, приводится анализ большого количества экспериментальных данных, в ряде случаев изложение поясняется схемами, таблицами.

В книге А. Яцкевичюса «Психология многоязычия» обстоятельно и глубоко рассматриваются вопросы двуязычия и многоязычия. Этот труд вводит в научный обиход материалы по литовско-русскому двуязычию и разным типам многоязычия и дает хорошее начало большой работе по изучению билингвизма и многоязычия в Литве. Представляется весьма желательным издание данного труда А. Яцкевичюса на русском языке.

В. Ю. Мизальченко

«Slovník spisovného jazyka českého», I, A—M.—Praha, 1958—1960, 1311 стр.; II, N—Q.—Praha, 1960—1964, 1196 стр.; III, R—U.—Praha, 1964—1966, 1088 стр.; IV, V—Ž, Doplnky a opravy.—Praha, 1966—1971, 1040 стр.

Выход в свет толкового словаря — это обычно подведение итога целой эпохе развития лексического фонда нации. Эпоха, которую отражает «Словарь литературного чешского языка» (далее — СЛЧЯ), имеет для чешской нации особое значение: это период установления государственной самостоятельности Чехословакии (с 1918 г.) и период социализма (с 1945 г.). Естественно, что бурный поток лексики, отражающей социальный и

технический прогресс этих лет, потребовал лексикографического оформления. Это было уже невозможно сделать в рамках восьмитомного «Настольного словаря чешского языка»¹: «современное состояние» чешского литературного языка понималось в последнее очень широко, охватывая период примерно с 1880 г.

¹ «Příruční slovník jazyka českého», Praha, 1935—1957.

Составители СЛЧЯ во многом опирались на лексикографический опыт, приобретенный при работе над восьмитомным академическим словарем. Без притока «Настольного словаря», без принципов, которые разрабатывались в ходе его создания, без квалифицированных лексикографов, выросших в процессе его составления, выход в свет СЛЧЯ был бы невозможен. Однако если основной целью «Настольного словаря» была «совершенная полнота» (*plná úplnost*) чешской лексики как XIX, так и XX вв., то основная задача СЛЧЯ — «дать точную картину всего современного словарного запаса литературного чешского языка» (I, стр. I).

Современный характер нового чешского толкового словаря особенно ярко проявляется в оперативной регистрации новой лексики. Примером подобной регистрации может служить отражение в словаре такой актуальной лексической группы, как лексика, связанная с освоением космоса. Слова *sputník* «спутник», *luník* «лунник», *kosmická raketa* «космическая ракета», *kosmická první rychlost* «первая космическая скорость», *kosmonaut* «космонавт» и под. буквально выхвачены из горнила публицистики. То, что не успело войти в основной корпус словаря, вошло в «Дополнения» (IV, сс. 40), как, например, сочетание *kosmická loď* «космический корабль».

Авторы смело черпают материал не только из художественной литературы, но и из многочисленных источников специального характера. Рецензенты упрекали составителей за очень широкое понимание термина «литературный язык», выразившееся прежде всего в массовом включении технической терминологии², или за то, что «лишь очень внимательный читатель выберет из „Словаря литературного языка“ факты современного литературного употребления»³.

Этот, с точки зрения строгих кодификаторов литературной нормы, недостаток становится неоценимым достоинством для тех читателей, которые будут искать в словаре сведения о самых различных сферах употребления чешского языка. Широкий охват лексики современного языка не означает отказа от описания литературной нормы. Составители лишь объективно констатируют таким образом факт, что современный литературный язык соприкасается с языком разговорным, с профессиональной сферой и социальными диалектами. Для чешского литературного языка эти процессы, пожалуй, особенно характерны.

² M. Ve u, [рец. на кн.:], *Slovník spisovného jazyka českého*, I, A—M, BSLP, 56, 1961, стр. 212.

³ J. Poldauf, *K dokončení Slovníku spisovného jazyka českého* (1958—1971), SaS, 3, 1971, стр. 260.

Диалектический подход авторов словаря к литературной норме сформулирован Б. Гавранком, руководителем словарного коллектива и главным редактором всех выпусков: «Словарь дает сведения о словарном запасе, который принадлежит норме литературного чешского языка и помогает ее развивать и стабилизировать в новых сферах труда и мышления. Он, однако, переходит за границы этой нормы тем, что фиксирует и объясняет также и слова, мало употребительные в литературном языке, слова и сочетания устаревшие, местные или профессиональные (обиходно-разговорные, диалектные, сленговые и аргоутические), — но лишь постольку, поскольку читатели сталкиваются с ними в значительных произведениях нашей литературы и поэтому могут по праву ждать, что найдут в словаре сведения о них» (I, стр. V). Этот принцип отбора лексики последовательно проводится в словаре.

Полный и всесторонний охват современной чешской лексики сочетается в СЛЧЯ с высоконачинными приемами ее лексикографической обработки. В словаре нашли отражение как практические успехи чешской лексикографии, имеющие вековые традиции (словари А. Велеславина, словарь Й. Добровского, словарь Й. Юнгмана, словарь Ф. Травнича, «Большой русско-чешский словарь» под ред. Л. Коцецкого, Б. Гавранка и К. Горалки и др.), так и новейшие теоретические достижения в области лексикологии.

Органическая связь теории с практикой — характерная черта СЛЧЯ. Весьма показательна, что история создания восьмитомного «Настольного словаря чешского языка» — это и история основания и развития Института чешского языка АН ЧССР, 25-летний юбилей которого отмечался в 1971 г. Этот институт, ставший крупным славистическим центром с мировым именем, вырос из Канцелярии «Словаря чешского языка», основанной в 1911 г.⁴

Авторский коллектив СЛЧЯ, работающий под руководством Б. Гавранка, — это опытные лексикографы-практики и в то же время лингвисты, известные своими работами в области лексикологии, словообразования, синтаксиса: Й. Филипец, Ф. Гавлова, Л. Янский, К. Козлова, Л. Кроупова, Я. Махач, Г. Марешова, Б. Папирникова, З. Сохова, Е. Водражкова и Й. Зима, участвующие в работе над всеми выпусками; В. Червена, М. Хуравы, В. Майстрик, Е. Покорна и Б. Поштолкова, внесшие свой вклад лишь в часть словаря.

⁴ См. брошюру «25 let Ústavu pro jazyk český», Praha, 1971 и статьи Я. Махача, Ф. Данеша, М. Докулила журнале «Naše řeč», 4, 1971.

В редакции словаря участвовали такие крупные лингвисты, как Я. Белич, М. Гейдл и А. Едличка. Первые два тома редактировали Ф. Травничек и В. Криштек.

Основная цель СЛЧЯ — дать полное и детальное описание чешского словарного запаса. Как единодушно отмечают многочисленные рецензенты (И. Полдауф, Ш. Пециар, Ф. Цуржин, М. Елинек, В. Вланар, В. Криштек, Л. Кшиш, М. Вей, С. Е. Манн⁵), эту цель СЛЧЯ успешно выполнил.

Не менее удачно справился словарный коллектив СЛЧЯ и с чисто кодификационной задачей: дать широкому читателю орфографические, грамматические, фразеологические, стилистические и синонимические рекомендации. Ко времени разработки принципов словаря еще не было надежных пособий по некоторым из указанных разделов чешского языкознания. Характерно, что именно работа над СЛЧЯ стимулировала создание как таких практических пособий, так и научных монографий⁶.

Практическая направленность СЛЧЯ, его предназначенность самому широкому кругу читателей — одно из наиболее важных отличий его от академического «Настольного словаря». В то же время принципы построения словарных статей СЛЧЯ отличаются теоретической цельностью и последовательностью. В создании толковых словарей известно много примеров, когда методы и принципы лексикографической обработки менялись с каждым томом. СЛЧЯ в этом отношении — исключение, если не считать некоторой непоследовательности в привлечении синонимических рядов (в первых томах они гораздо беднее, чем в последних). Структурное единство словаря обусловлено как четкими задачами, поставленными составителями, так и тем фактом, что принципы словаря подверглись очень широкому предварительному обсуждению на материале пробных статей, вышедших в 1953 г., в котором участвовало более 100 специалистов.

В СЛЧЯ последовательно проводятся ограничения в плане четырех основных противоположений, предложенных Л. В. Щербой и разработанных советскими лексикографами: словарь энциклопедический и словарь филологический; словарь современного состояния языка и словарь исторический; словарь литературного языка и словарь разговорного

(обиходного) языка; словарь общего литературного языка и словарь писателя⁷.

Особенно четко отграничиваются в словаре нормативно-стилистические задачи современного языка от задачи исторического описания лексики. Это разграничение, как известно, до сих пор не соблюдается даже в самых совершенных толковых словарях⁸. Единственными отклонениями от четкой дифференциации синхронии от диахронии в СЛЧЯ являются, пожалуй, включение кратких сведений о происхождении заимствованных слов и описание лексики авторов-классиков прошлого века (К. Г. Маха, Я. К. Тыл, К. Гавличек, В. Немцова и др.). Первое «отклонение», однако, оправдывается нормативно-орфографической задачей, поставленной авторами словаря⁹, второе — постоянным обращением современного чешского читателя к классической национальной литературе.

Соблюдение перечисленных лексикографических оппозиций проявляется также и в способе толкования слов. Составители СЛЧЯ понимают толкование значений слова как объективное отражение «основных признаков слова». Толкование значений, следовательно, — это «ни вещественное описание (как в энциклопедии), ни логическая дефиниция» (I, стр. XII). Этот принцип в словаре проводится даже в тех случаях, когда подобное разграничение весьма затруднительно. Примером может служить толкование слова *děkan* в СЛЧЯ и в чешском «Кратком энциклопедическом словаре»:

«*Děkan* 1. церковн. (sík.). Почетный титул управляющих приходами; устар. также непосредственный начальник духовных служителей, управляющих несколькими церквами определенного прихода; первоначально начальник десяти монахов; 2. учебн. (škol.). Преподаватель вуза, руководящий в течение определенного времени факультетом» (I, стр. 289).

⁷ Л. В. Щербой, Опыт общей теории лексикографии, ИАН ОЛЯ, 1940, 3; ср.: Л. С. Ковтун, Специфика характеристики значения слова в словарях разного типа. «Тезисы докладов на совещании, посвященном итогам работы над „Словарем современного русского литературного языка“ (1948—1966 гг.) и перспективам работы над словарями современного русского литературного языка», Л., 1966.

⁸ См.: Ю. С. Сорокин, Элементы историзма в «Словаре современного русского литературного языка» и задачи создания исторических словарей русского языка нового времени, там же, стр. 5.

⁹ Следует заметить, что спецификой чешской орфографии является сохранение написания заимствованных слов в форме, принятой в языке-источнике.

⁵ Библиографию см.: V. Křístek, Slovník spisovného jazyka českého, «Naše řeč», 4, 1971, стр. 236.

⁶ Ср., например: «Pravidla českého pravopisu», Praha, 1957 (vyd. druhé—1966); J. Filipec, Česká synonyma z hlediska stylistiky a lexikologie, Praha, 1961.

«*Děkan* (лат.) 1. Католический церковнослужитель, см. также *duchovenstvo*. 2. Академический служащий, который руководит факультетом вуза и несет ответственность за ее деятельность перед ректором; в вузах ЧССР его назначает министр образования и культуры сроком на два года»¹⁰.

При сопоставлении этих толкований особенно четко заметно различие лексикографической обработки второго значения слова *děkan*, соответствующего русскому *декан*. Филологический принцип толкования этого значения в СЛЧЯ выдержан безупречно.

Приведенный пример также показывает, что в необходимых случаях, когда выделение «основных признаков слова» невозможно без точной предметно-вещностной характеристики, составители словаря приближаются к энциклопедическому толкованию. Без такой характеристики первое значение слова *děkan* утратило бы свою терминологичность и привело бы к неверному его пониманию.

Такое приближение к энциклопедическому толкованию вообще свойственно для описания лексики различных терминологических сфер, обильно включенной в в СЛЧЯ. Однако, и это необходимо подчеркнуть, это приближение почти никогда не приводит к смещению филологического и энциклопедического принципов толкования значений.

Лексикологи нередко отмечают определенную непоследовательность толкования таких групп слов, «самая семантическая структура которых следует достаточно регулярной форме», например, разнообразию при лексикографической характеристике названий деревьев¹¹. Случай подобной непоследовательности можно выявить и в рецензируемом словаре. Ср. ряд толкований из области названий деревьев:

«*Buk* (бук) крепкое дерево с гладкой серебристо-серой корой, могучей кроной и идеальными листьями» (I, стр. 183); «*Oleš* (ольха) лиственное дерево или кустарник с мужским соцветием в виде сережек и женским — в виде деревообразных шишечек» (II, стр. 384);

«*Topol* (тополь) стройное лиственное дерево» (III, стр. 841);

«*Verba* (верба) дерево или куст с гибкими ветвями и с продолговатыми заостренными листьями» (IV, стр. 151).

Далеко не всегда подобную пестроту при толковании лексики, входящей в одно семантическое поле, можно оправдать. Однако нередки случаи, когда такого

разнообразия требует семантическая структура слова. Таковы, например, толкования слова *líra* (лира) и *dub* (дуб), для которых удачно подчеркиваются специфические характеристики:

«*Líra* дерево с могучей кроной и сердцевидными листьями, обильно покрывающееся мелкими пахучими цветами, часто символ славянства или чешской нации» (I, стр. 1117);

«*Dub* дерево с перисто-лопастными листьями и с плодами-желудями, дающее твердую древесину» (I, стр. 418).

Последнее толкование, включающее такую важную характеристику дуба, как твердость его древесины, служит своеобразным трамплином для дальнейшего исчерпывающего описания (в виде толкований или демонстрации минимального контекста) системы коннотаций, относящихся к этому слову (ср. *silný*, *tvrdý*, *krpeš*, *zdravý* как *dub*). Для слова же *líra* коннотативная характеристика совершенно оправданно включена в толкование.

Большинство толкований СЛЧЯ, при всей их лапидарности, можно назвать исчерпывающими. Этому способствует и широкое привлечение синонимов к толкованию слова, особенно характерное для последних частей словаря. Синонимы используются для более детального семантического членения слов, для выделения оттенков слов в сочетаниях, для объяснения переносного употребления слов и значений фразеологизмов.

Иногда авторы словаря пользуются синонимом вместо толкования. Это бывает в случаях, когда комбинация стилистической пометы и синонима дает представление о семантическом употреблении слова, например: «*krápěj*, ž. kníž. *kapka*» (I, стр. 1008). Вряд ли подобная комбинация может быть признана удовлетворительной характеристикой слова для толкового словаря. Даже в приведенном предельно простом примере можно было бы отметить различное отношение лексем *kapka* и *krápěj* к признаку «величина»: если для первой признак «ничтожно малая величина» стал устойчивой коннотативной характеристикой, то для второй отнюдь не обязателен. Кроме того, можно поставить под сомнение и отнесенность слова *krápěj* к книжному пласту лексики: ср. его употребление в народной поговорке *neumí krápěj od krupobíli rozeznat* «он глупец» [буквально: «он не умеет крупинку отличить от града»]¹².

Подмена толкования синонимом или синонимическим рядом представляет и другую опасность, на которую справедливо указал в своей рецензии И. Полауф: приведение синонимов вызывает стремление членить значение, покрывае-

¹⁰ «Příruční slovník naučný», díl I, Praha, 1962, стр. 519.

¹¹ Д. Н. Шмелев, Вопросы семантической структуры слова и строение словарной статьи, «Тезисы докладов на совещании...», стр. 15.

¹² J. Z a o r á l e k, Lidová řeč, Praha, 1963, стр. 190.

мое словом, в соответствии с существующими синонимами¹³.

Для уточнения значения слов составители СЛЧЯ используют и антонимы, давая их после толкования и синонимов в скобках. Включение антонимов в толкование особенно характерно для лексикографической обработки прилагательных. Ср. *dobry* «хороший», *bílý* «белый», *žerný* «черный» и подобные слова с регулярной отсылкой к соответствующему антониму.

Отграничение омонимии от полисемии — один из самых дискуссионных вопросов лексикологии и лексикографии. Составители СЛЧЯ в целом принципиально решают этот вопрос, выделяя омонимы там, где имеются образования разных эпох (например, *zábava* «забава, развлечение» и *zábava* «конфискация», образованные от глаголов *zavít* «забавлять» и *zabavit* «конфисковать» — IV, стр. 449)¹⁴ либо широкая активность аффиксов и корневых элементов (например, *zástava* «зрелище, останавливающее что-н., мешающее чему-н. в движении», «вещь, данная кому-н. в залог», «флаг, хоругвь» — IV, стр. 616). Далеко не всегда, однако, этот принцип проводится последовательно. С теоретической точки зрения, например, семантические характеристики лексемы *slunečnice* «подсолнух» и «североамериканская рыба из рода окуневых», отраженные в словаре как различные значения одного слова (III, стр. 396), не менее оторваны друг от друга, чем омонимы *zábava* или *zástava*.

Компактная подача материала — одно из больших достоинств СЛЧЯ. Составителям удалось отразить самое ценное и самое типичное из девятимиллионной картотеки литературного чешского языка, хранящейся в Институте чешского языка АН ЧССР: если в восьмитомном «Настольном словаре чешского языка» — 250 тыс. словарных статей, то в четырехтомной СЛЧЯ — 193¹⁵.

Какими же путями достигается эта компактность? Прежде всего, сокращением цитатного материала. Составители отдают предпочтение минимальным контекстам, типовым — свободным и связанным — сочетаниям слов, полно отражающим валентность слов и довольно убедительно подтверждающим предлагаемое толкование.

Довольно большую экономию места дает и соединение в одной словарной статье нескольких вариантов или связанных ме-

жду собой формально и семантически лексем, включение различных сложных слов в словарную статью с общим первым формантом (например, *astro-*, *živo-*, *hydro-* и под.). Такое конденсированное описание производных слов весьма рационально. Необходима, однако, особая осторожность при отнесении одного слова к другому на чисто парадигматической основе: при таком формальном подходе могут быть утеряны важные семантические характеристики производного слова, составляющие его индивидуальность. Именно такого «индивидуального» подхода, как кажется, не хватает при толковании многих относительных прилагательных и наречий, вошедших в СЛЧЯ как производные. Не была бы лишней и более детализированная стилистическая характеристика производных.

Компактная подача литературных контекстов в виде типичных сочетаний способствовала разработке фразеологии в СЛЧЯ. Переход от свободных сочетаний к фразеологически связанным естествен, постепенен, органичен. Особенно последовательно показана сочетаемость глаголов.

По богатству фразеологии СЛЧЯ значительно превосходит другие чешские словари. Обилию устойчивых сочетаний, приведенных под многими словарными статьями (например, *ruka* — III, стр. 195—197), могут позавидовать многие специальные фразеологические словари. СЛЧЯ в какой-то мере восполняет отсутствие фразеологического словаря чешского языка¹⁶.

Поиски устойчивых сочетаний лишь иногда облегчены отсылками. Чаще всего, однако, одно и то же толкование фразеологизма повторяется в разных словарных статьях (на его компоненты): *pestořít to ani za zlámanou grešlí* «абсолютно ничего» (буквально: «не стоит и ломаного гроша» — I, стр. 551; IV, стр. 767), *nasadit muži rohu (parohy)* «изменить мужу, сделаться ему неверной» (буквально: «наставить мужу рога» — II, стр. 91, 522; III, стр. 68). Такие приемы подачи фразеологии в СЛЧЯ неэкономны.

Кроме того, отказ от подачи фразеологизма лишь при ведущем слове¹⁷ приводит к значительному разбоя в формальном и семантическом описании одних и тех же фразеологизмов. Например, под словарной статьей *Pardubice* даны две формы оборота с этим компонентом со сле-

¹³ I. Poldauf, указ. соч., стр. 262.

¹⁴ Ср. замечание Л. А. Булаховского об образовании этих чешских омонимов: Л. А. Булаховский, Введение в языкознание, ч. II, М., 1953, стр. 57.

¹⁵ Для сравнения уместно напомнить, что 17-томный «Словарь современного русского литературного языка» включает 120 280 слов, а словарь В. И. Даля — 200 000.

¹⁶ Вскоре этот пробел будет восполнен. В печати находятся «Русско-чешский фразеологический словарь» и «Чешско-русский фразеологический словарь», составленные А. Вурмом.

¹⁷ Ср. понятие ведущего слова или константы у А. В. Кунина: «Англо-русский фразеологический словарь», М., 1956, стр. 8 и его лексикографическое использование в этом словаре.

дующими толкованиями: *rovědět někomu, zať je v Pardubicích perník* «выбранить» (буквально: «рассказать кому-н., почему в Пардубицах пряник»); *poznat, zať je v Pardubicích perník* «быть наказанным, расплатиться» (буквально: «узнать, почему в Пардубицах пряник» — II, стр. 518). Под статьей *perník* тот же фразеологизм указывается уже с возможной заменой компонента *rovědět* на *ukázat*, формула *poznat, zať je v Pardubicích perník* совсем не приводится, а семантика приведенного фразеологизма не толкуется, а эквивалентно объясняется другим чешским фразеологизмом *dát někomu co proto* «дать бабушку кому-н.» (буквально: «дать кому-н. что за что» — II, стр. 560). Этот разнобой продолжается и дальше: под статьей *rovědět* упомянутый фразеологизм отсылочно указывается (II, стр. 826), а под статьей *ukázat* — уже нет (III, стр. 963).

Причиной подобных недочетов в подаче устойчивых сочетаний является, по-видимому, недостаточная теоретическая и практическая разработанность фразеологии в чешской лингвистике вообще и в лексикографии в частности. Нашему читателю, привыкшему к детальной (хотя далеко не всегда безупречной) классификации фразеологизмов, выделяемых разнообразными пометами, обозначение всех устойчивых сочетаний в СЛЧЯ пометой ♦ покажется слишком упрощенным и не даст представления о различной степени слитности компонентов. А такое разграничение было бы особенно уместно в словаре, так обильно фиксирующем свободную сочетаемость толкуемых слов.

Такая сдержанность при характеристике фразеологии особенно бросается в глаза на фоне четко разработанной, детализированной и тонкой системы помет, употребляемых авторами СЛЧЯ. Эта система обеспечивает подачу краткой и вместе с тем объективной и точной информации о стилистических и частотных качествах слова. Небольшое число условных обозначений (их всего шесть) с лихвой возмещается обилием помет и сокращений, которых в СЛЧЯ около двухсот. С помощью этих помет опытные лексикографы чрезвычайно тщательно решают в своем словаре проблему литературной и нелитературной лексики — проблему, столь важную для чешского национального языка.

Пользование словарем облегчает и высокое качество печатного оформления: пять типов шрифта хорошо оттеняют различные виды лексикографической обработки слова.

Требовательный лексикограф, вчитываясь в СЛЧЯ, сможет отыскать в этом большом труде немало спорного. Не пропустит он и таких недочетов и промахов,

как упрощенное семантическое описание некоторых частей речи (в особенности служебных слов), недостаточную семантическую дифференциацию некоторых грамматических категорий (например, видовые пары глаголов, категория числа существительных), не всегда одинаковое использование синонимов при толковании разных частей речи, некоторую непоследовательность в отражении словообразовательных структурных возможностей слова и под. Внимательный читатель найдет и отдельные неточности толкований, и некоторые противоречия в отражении графики и орфографии заимствованных слов, и опечатки. Однако на фоне огромного добросовестного лексикографического труда все эти недоработки кажутся мелочами.

Опыт, накопленный авторами СЛЧЯ в ходе его составления, уже стал основой многих научных работ. Этот опыт наверняка станет предметом самого тщательного изучения и обсуждения как в Чехословакии, так и за ее пределами¹⁸.

Как известно, 17-томный академический «Словарь современного русского литературного языка», удостоенный Государственной премии, стал источником и мощным импульсом для создания целой серии словарей современного русского языка различного типа. По такому же пути идут и чехословацкие лексикографы, усиленно работающие над созданием на базе СЛЧЯ словаря чешского литературного лексического стандарта, включающего предположительно 80 тыс. словарных статей¹⁹. Намечаются и другие лексикографические предприятия.

«Словарь литературного чешского языка» займет почетное место в мировой лексикографии. Практическая и научная ценность фундаментального труда чехословацких коллег огромна. Словарь сразу же после выхода в свет стал справочником, без которого не может обойтись ни один славист.

В. М. Мокиенко

¹⁸ Одним из теоретических обобщений опыта СЛЧЯ в ЧССР является, например, содержательная статья В. Мейстршика, развивающая принципы подачи производных слов в словарях: V. Mejšťík, K možnostem využití nauky o tvoření slov při zpracovávání jednojazyčného výkladového slovníku, SaS, 4, 1971. В Советском Союзе лексикографический опыт СЛЧЯ стал темой канд. дисс. А. И. Неруш.

¹⁹ Ср.: J. Machač, Zd. Slovník, K problematice lexikálního standardu a jeho adekvátního popisu, SaS, 2, 1968.